

СОЦИАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИЕ УСЛОВИЯ ОБРАЗОВАНИЯ ТАДЖИКСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ В СОСТАВЕ УЗБЕКСКОЙ ССР

Абдукаюм Абдукадиров,
доцент АФ НИТУ МИСИС, к.и.н.

Проблема формирования национально-государственных образований в Средней Азии в первые годы после Октябрьской революции занимает особое место в историографии XX века. Создание Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики в 1924 году стало важнейшим этапом в процессе формирования таджикской государственности, предопределив дальнейшее преобразование автономии в союзную республику в 1929 году.

Историко-политический контекст образования ТАССР тесно связан с общими процессами советской национальной политики, разработанной в трудах В. И. Ленина и реализованной большевиками в условиях сложной этнополитической ситуации в регионе. Таджики оказались в числе тех народов, чьи национальные права до революции были в значительной степени ограничены — они не имели собственной административной единицы и находились в составе Бухарской народной республики или же в подчинении узбекских структур. Революционный режим приступил к радикальному государственному строительству, беспрецедентному в мировой истории. Она была агрессивной и явно антиколониальной и направлена на расширение прав и возможностей коренных народов, населявших территорию бывшей Российской империи. Она создавала государства с границами и нации, которых раньше никогда не существовало.

Центральное значение имело национально-территориальное размежевание Средней Азии 1924 года, результатом которого стало образование Узбекской ССР, а в её составе — Таджикской АССР. Однако этот процесс сопровождался противоречиями и вызвал многочисленные споры в партийной среде, а также недовольство местного населения, особенно по вопросу территориального распределения.

В первые годы после установления советской власти в Средней Азии регион оставался ареной острых политических противоречий. Здесь переплетались интересы различных этнических и социальных групп, колебалась линия разграничения между республиками, а вопрос о статусе таджикских территорий вызывал оживлённые дискуссии как на местном, так и на союзном уровне. Существовавшая до 1924 года Бухарская Народная Советская Республика (БНСР) включала значительные области, населённые таджиками, но их

политическое представительство в государственных структурах было ограниченным.

В начале 1920-х годов в советских и академических кругах всё настойчивее звучали требования признать особое культурно-историческое значение таджикского народа и закрепить его территориальную субъектность. В 1924 году комиссия по национально-территориальному размежеванию под председательством В. В. Куйбышева и при активном участии Среднеазиатского бюро ЦК РКП(б) рассмотрела предложения о создании автономного таджикского образования в составе Узбекской ССР.

Решение о формировании Таджикской АССР было принято в сложной политической обстановке, когда требовалось сбалансировать интересы различных этносов региона. Важную роль сыграли как идеологические установки партии, ориентированные на реализацию принципа «право наций на самоопределение», так и прагматические соображения, связанные с необходимостью укрепления советской власти в горных районах и на южных границах Союза.

Таджикская автономия изначально рассматривалась не как формальный акт, а как инструмент интеграции национальных сил в систему советского государства. Формирование органов власти, развитие системы народного образования, создание таджикской письменности на основе арабской графики, а затем её реформирование стали важными элементами культурного возрождения таджикского общества в рамках социалистической модернизации.

Следует отметить, что создание Таджикской АССР также имело выраженное геополитическое измерение. Укрепление административных структур в Горно-Бадахшанской, Каратагинской, Гиссарской и других областях обеспечивало контроль над стратегически важными территориями, прилегающими к Афганистану, и способствовало формированию устойчивых границ будущей союзной республики.

Актуальность темы определяется необходимостью глубокого анализа того, как в сложных условиях борьбы за власть, межэтнической конкуренции и ограниченности кадровых ресурсов формировались основы таджикской государственности. Рассмотрение политических решений, социальных процессов и партийной практики позволяет выявить специфику становления таджикской автономии и её места в системе советского национального строительства.

Изучение проблемы формирования Таджикской АССР имеет богатую историографическую традицию. Советская историография, особенно в 1940–1980-е годы, в основном рассматривала этот процесс через призму ленинской

национальной политики и «дружбы народов», подчеркивая позитивную роль большевиков в создании таджикской автономии.

Важный вклад в изучение темы внес Р.Т. Шамсутдинов, который отмечал:

«Туркестанская АССР в то время была наиболее целесообразной государственной

формой самоопределения коренных народов, по существу она была первой советской национальной государственностью узбеков, казахов, туркмен, таджиков, киргизов, каракалпаков. Именно в рамках ТАССР начались огромные революционные преобразования в экономике, быту, психологии этих народов....Одной из важных сторон социалистического строительства в Средней Азии и Казахстане было создание национальной государственности населяющих ее народов.

После огромной подготовительной работы было проведено национально-государственное размежевание и созданы Узбекская, Туркменская социалистические советские республики, Таджикская, Киргизская и Каракалпакская автономии. Советы сыграли большую роль в государственном оформлении новых республик. 18 ноября 1924 г. ЦИК Туркестанской АССР, Бухарской и Хорезмской советских социалистических республик приняли постановление о прекращении своей деятельности и передаче государственной власти и управления революционным комитетам Узбекской и Туркменской советских социалистических республик. В октябре — ноябре 1924 г. были созданы ревкомы Узбекской ССР, Туркменской ССР, Таджикской АССР, Каракалпакской и Киргизской АО»¹.

На рубеже 1990–2000-х годов в таджикской историографии возрос интерес к пересмотру советских подходов. Так, в коллективной монографии под редакцией Р. Набиевой подчеркивалось, что процесс формирования таджикской государственности сопровождался острыми дискуссиями и борьбой за ресурсы: «История таджикского народа в XX и начале XXI веков показывает, что формирование национально-территориального государства было нелегким делом. Этот процесс сопровождался противостоянием, политическими спорами и национальными противоречиями. Постепенно, с участием большевистской партии и влиянием национальной политики, создавались условия для образования Автономной Республики Таджикистан. Несмотря на трудности, этап 1920–1929 годов имел судьбоносное значение для таджикского народа, поскольку именно в этот период были заложены основы собственной национальной государственности».²

¹ Шамсутдинов Р.Т. К вопросу об особенностях становления и развития Советов в Средней Азии и Казахстане // История СССР. 1985 г., №5. С. 73–76

² Набиева Р. ва диг. Таърихи халқи тоҷик дар асри XX ва ибтидои асри XXI. Душанбе: Ирфон, 2009. С. 122–123.

Новые исследователи — такие как Р. Бобохонов — рассматривают образование ТАССР не только как административный акт, но и как этап национальной консолидации таджиков: «Для реализации плана размежевания по заданию президиума Среднеазиатского экономического совета, который был еще образован в 1923 г. в Ташкенте, была создана Комиссия по районированию Средней Азии. Этой комиссией были собраны сведения для административного, экономического и национального районирования вновь образуемых республик Средней Азии и Казахстана. Особенно сложным явилось разрешение территориальных вопросов. Центральной комиссии и национальным подкомиссиям (бюро) по национальному размежеванию приходилось наряду с использованием опубликованных официальных, но далеко не полных статистических, этнографических материалов проводить экспедиционное изучение национального состава ряда районов и с учетом пожеланий местного населения решать вопросы о включении отдельных районов в ту или иную республику».³

Существенный вклад в понимание историко-политического контекста даёт и диссертационная работа таджикского ученого М.Алимардонова «История образования Таджикской ССР»: «Создание Таджикской автономной республики было не столько подарком большевиков таджикскому народу, сколько результатом сложных политических переговоров и борьбы различных сил. Вопросы границ, состава населения, распределения ресурсов решались в напряжённых дискуссиях, где интересы таджиков далеко не всегда учитывались в полной мере. Но именно в этих условиях возникла первая институциональная форма таджикской государственности, которая стала основой для дальнейшего развития. Автономия дала возможность воспитания собственных кадров, формирования национальной интеллигенции, создания культурных и образовательных учреждений. Несмотря на все трудности, ТАССР стала тем фундаментом, на котором в 1929 году возникла полноценная союзная республика — Таджикская ССР».⁴

Таким образом, в историографии прослеживаются разные подходы: советский — с акцентом на позитивный опыт «братской помощи»; таджикский — с акцентом на борьбу за национальную государственность; и современные интерпретации, которые стремятся объединить оба взгляда, учитывая сложность исторических процессов.

³ Бобохонов Р. Национально-территориальное размежевание и создание союзных республик в Центральной Азии (1924–1936 гг.) // ЦентрАзия. – 2015. – URL: <https://centrasia.org/newsA.php?st=1435875660> (дата обращения: 06.09.2016).

⁴ Алимарданов М.У. «История образования Таджикской ССР». Автореф.дис.канд.ист.наук.Душанбе,2013.

Формирование таджикской государственности в советский период невозможно рассматривать в отрыве от социально-политической ситуации в регионе после 1917 года. Революция и Гражданская война резко изменили конфигурацию власти в Центральной Азии, где столкнулись интересы большевиков, местных элит и национально-освободительных движений. В этих условиях таджики оказались в числе наиболее уязвлённых этносов, не имея собственной политической репрезентации и находясь в тени более многочисленных и организованных соседей — узбеков и киргизов. 25 февраля 1924 г. расширенный пленум ЦК БКП обсудил доклад Ф. Ходжаева «О размежевании Советской Средней Азии на ряд республик по национальному признаку». Пленум в частности постановил: «Признать, что вопрос о разделении территории Советской Средней Азии на ряд республик по национальному признаку вполне назрел и постановка его вполне своевременна». Пленум, взяв за основу тезисы Ф. Ходжаева, создал комиссию для «окончательной проработки тезисов и составления обращения ЦК БКП к Среднеазиатскому бюро».⁵ По итогам этого решения ЦК БКП будет уместно вспомнить, что 28 февраля 1924 г. на заседании Политбюро ЦК рассматривался вопрос о положении в Хиве. Политбюро признало необходимым «послать в Хиву т. Бройдо с директивой расследовать вопрос, держа контакт с Среднеазиатским бюро ЦК, и доложить о результатах расследования на Политбюро», поручив Оргбюро при необходимости послать вместе с Г. И. Бройдо для выполнения той же задачи одного или несколько человек. Вернувшись из Средней Азии, Г.И.Бройдо 3 июля 1924 г. доложил о своей поездке на Политбюро ЦК. Его доклад был принят к сведению. Комиссии в составе И.А.Зеленского, Г.И.Бройдо, Я.Э.Рудзутака и Г.В.Чичерина было поручено обсудить практические мероприятия, вытекающие из доклада и представить на Политбюро. Данная записка отложилась в материалах к постановлению Оргбюро о национальном размежевании республик Средней Азии от 4 июня 1924 г. где говорится, что «...необходимо вымежевание из Узбекистана автономной Таджикской республики с ориентацией на равное ее с остальными национальностями вхождение в Среднеазиатскую Федерацию, когда она будет оформлена»⁶.

В первые послереволюционные годы таджикское население оказалось в крайне сложном положении. Оно было разобщено территориально: часть таджиков проживала на территории бывшей Бухарской эмиратской области, другая часть — в Самарканде и Ферганской долине, третья — в Памирском регионе. Административно таджики не имели собственной автономной единицы

⁵ РГА СПИ, ф. 62. оп. 2. д. 87, л. 78.

⁶ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 566. Л. 3 1-39

и в партийно-советском строительстве находились в положении «младшего брата». Именно поэтому уже с начала 1920-х годов в партийных документах Средазбюро РКП(б) постоянно подчеркивалась необходимость учета интересов таджиков⁷. В отчетах говорилось о том, что в таджикских районах отсутствуют подготовленные партийные кадры, вследствие чего большинство постов занимали узбекские и русские представители. Этот тезис был первым в письме Таджикского обкома И.В.Сталину о направлении в Таджикистан членов партии — иранцев и оказании помощи в организации издательской работы: «Строить партийные организации в Таджикистане приходится в особенно тяжелых условиях, гораздо более тяжелых, чем в любом другом месте Советского Союза. Наша партийная организация в значительной части своей состоит из пришлого элемента, что же касается актива, то там этот пришлый элемент составляет, вероятно, большинство. Большинство партийцев-таджиков малограмотны и являются пассивным элементом в партии, так как очень мало или совсем не подготовлены к практической партийной советской работе. Туркестанские таджики-партийцы и, в особенности, более развитые и подготовленные из них, не говоря уже о том, что их тоже очень мало, не вполне могут быть использованы для работы среди таджиков Таджикистана, ибо уже давно таджики занимают в Средней Азии положение угнетенной народности. Таджикских школ (особенно новометодных) там не было, и огромное большинство грамотных таджиков, получив образование на узбекском языке, говорит на нем с большей охотой, и свободнее, чем по-таджикски, а часть из них даже называют себя узбеками»⁸. Это, в свою очередь, создавало почву для недовольства и роста национального самосознания таджиков. В условиях борьбы с повстанческим движением и общей нестабильности региона большевики вынуждены были искать формулу, которая позволила бы не только удержать контроль над территорией, но и одновременно продемонстрировать уважение к национальным чувствам таджиков. Именно так постепенно вызревала идея создания таджикской автономии.

Таким образом, предпосылки образования ТАССР складывались из нескольких факторов: отсутствия собственных национальных органов власти, доминирования в партийных структурах других этносов, давления со стороны национально-освободительных движений и объективной необходимости большевиков искать баланс между централизацией и учётом национальных интересов. Всё это подготовило почву для исторического решения 1924 года, когда в ходе национально-территориального размежевания таджики получили свою автономную республику.

⁷ Там же

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 112. Д. 678. Л. 85-87

Национально-территориальное размежевание Средней Азии 1924 года стало одним из ключевых событий в истории региона, радикально изменив карту и систему управления. Именно в результате этого процесса таджики получили собственное национально-территориальное образование — Таджикскую Автономную Советскую Социалистическую Республику в составе Узбекской ССР.

В результате размежевания в составе Узбекской ССР на правах автономной была образована Таджикская АССР. Она включила в себя территории южной части Бухары, части Самаркандской и Ферганской областей Туркестанской АССР. Из Самаркандской области - семь волостей Самаркандского уезда, пять волостей Ходжентского уезда и Памирский район Ферганской области полностью. Из Бухарской республики в состав Таджикской АССР были включены вилайеты Гармский, Дюшамбинский, Кулябский, Курган-Тюбинский и Сары-Ассиазский. В 1929 г. Таджикская АССР была преобразована в Таджикскую ССР, в ее составе на территории Памира была сформирована Горно-Бадахшанская автономная область с центром в г. Хорог⁹.

Особую и во многом определяющую роль в сложном и противоречивом процессе национально-территориального размежевания в Средней Азии играло Среднеазиатское бюро ЦК РКП(б) (Средазбюро), созданное в 1924 году как основной орган партии, призванный координировать деятельность республиканских комитетов и контролировать проведение ленинской национальной политики в регионе. Именно через решения и директивы Средазбюро проходили все ключевые вопросы, касавшиеся не только административного деления территорий, но и национального состава новых республик, перераспределения экономических ресурсов, а также назначения партийно-государственных кадров.

Размежевание происходило в сложных исторических условиях, когда Центральная Азия находилась на стыке перехода от дореволюционной многоукладности и региональной раздробленности к формированию советской государственности нового типа. Политическая ситуация отличалась высокой степенью напряжённости: в ряде областей сохранялись очаги басмаческого движения, усиливались противоречия между различными этносоциальными группами, а также между местными партийными организациями и центром. В этих условиях задача большевистского руководства состояла в том, чтобы, с одной стороны, обеспечить реализацию принципа самоопределения народов, провозглашённого в ленинской программе, а с другой — сохранить

⁹ Тиханова Е. В. Районирование Средней Азии: экономическая целесообразность//<http://elar.urfu.ru/bitstream/10995/18800/1/iurg-2011-96-16.pdf>.

управляемость региона, не допустив фрагментации и дестабилизации экономической и политической системы.

Средазбюро выступало посредником между Москвой и местными партийными структурами, стремясь найти компромисс между идеологическими принципами и практическими нуждами государственного строительства. В его стенах велись напряжённые дискуссии относительно границ будущих республик, их этнического состава и административных центров. Особую остроту приобрёл вопрос о статусе таджикских территорий, прежде всего Бухарского и Самаркандского округов, где таджики составляли значительную часть населения, но где также проживало много узбеков, туркмен и представителей других народов.

В отчётах и протоколах заседаний Средазбюро подчёркивалось, что таджикский народ имеет исторические, культурные и лингвистические основания для образования собственной автономной республики. Ссылки делались на древность оседлой иранской цивилизации Мавераннахра, на роль таджикской интеллигенции в развитии науки, литературы и государственного управления, а также на историческую преемственность традиций государственности, восходящих к Саманидскому периоду. Вместе с тем представители партийного центра указывали на слабое развитие экономической инфраструктуры, низкий уровень индустриализации, нехватку квалифицированных управленческих и педагогических кадров. Эти факторы, по мнению руководства, делали затруднительным создание самостоятельной таджикской республики в краткосрочной перспективе.

Поэтому решение Средазбюро приобрело компромиссный характер: Таджикская автономная ССР была учреждена в составе Узбекской ССР, что, как предполагалось, должно было облегчить процесс хозяйственного и административного становления будущей республики при поддержке более развитых центров — Самарканда, Ташкента и Ферганы. В то же время в документах подчёркивалось, что этот вариант не является окончательным, а таджикская автономия рассматривается как первый шаг к возможному преобразованию в союзную республику при достижении необходимых социально-экономических условий.

Таким образом, позиция Средазбюро отражала двойственность всей советской национальной политики 1920-х годов: декларативное признание права народов на самоопределение сочеталось с установкой на сохранение централизованного управления и экономической интеграции региона. Решения, принятые в этот период, определили не только границы будущего Таджикистана, но и особенности его административно-политического устройства, что оказало

долговременное влияние на развитие таджикской государственности и межнациональных отношений в Средней Азии.

Такой компромиссный вариант позволял сохранить контроль над ситуацией, не лишая таджиков права на собственное национальное образование.

Таким образом, национально-территориальное размежевание 1924 года стало компромиссным решением, сочетавшим элементы политического учёта национальных интересов и прагматической стратегии большевиков. Для таджиков создание ТАССР было шагом к институционализации национальной идентичности, хотя при этом многие их притязания, в частности на Самарканд, остались неудовлетворёнными.

Создание Таджикской АССР в 1924 году означало лишь начало сложного пути по формированию новой системы управления, адаптации советской модели к местным условиям и интеграции таджиков в партийно-государственные структуры. Уже в первые годы существования автономии выявились серьёзные противоречия: нехватка квалифицированных кадров, слабая экономическая база, низкий уровень образования населения. Тем не менее, Таджикская АССР была национальным государством, входящим на началах автономии в состав Узбекской ССР, а посредством этого – в СССР. Она имела свои органы государственной власти и управления, свое законодательство, гражданство, территориальное деление, самостоятельный бюджет, органы государственной власти и управления¹⁰.

Особую сложность представляли социально-экономические условия. Таджикская АССР создавалась в условиях крайне слабой экономической базы. Промышленность практически отсутствовала, за исключением кустарных производств и отдельных ремесленных мастерских. Сельское хозяйство оставалось основой экономики, но оно также находилось в кризисном состоянии: многие районы страдали от нехватки орошения, низкой урожайности и последствий разрушений Гражданской войны. В этих условиях большевики рассматривали Таджикистан как «отсталый край», требующий особого внимания центра. В партийных документах прямо указывалось, что республика нуждается в значительных вложениях, чтобы догнать более развитые регионы Средней Азии.

Если с направлением в Таджикистан надлежащим образом подготовленных партийных и государственных работников извне существовали огромные проблемы, то нахождение подходящих кандидатов в самом Таджикистане было куда более затруднительным занятием. Таджикских рабочих в стране

¹⁰ Ализода Б. Становление и развитие государственного управления в Таджикистане (1917-2015). Дис. на соискание ученой степени доктора исторических наук. Душанбе. 2022. С.106

насчитывался всего лишь 81 человек¹¹. Поэтому, в силу отсутствия очевидно распознаваемого «пролетариата» (промышленного рабочего класса), партия разделила общество на слои, в целях нахождения подходящей категории людей в члены партии. Самые бедные крестьяне стали называться «бедняками», менее бедные - «средняками». Любой, более богатый, чем остальные, был причислен к «боям». На самом низком уровне новой «социальной лестницы» оказались «батраки», то есть временные чернорабочие. Именно из числа батраков большевики решили отбирать партийных работников. Такие партработники, являясь по сути дела «зелеными новичками», были весьма полезны для выполнения основной партийной работы, само собой разумеется, без дальнейшего обучения, и уж точно не для более ответственных рабочих мест. Одновременно подчеркивалось, что именно эта «отсталость» объясняет необходимость включения ТАССР в состав Узбекской ССР: без поддержки более развитой экономики соседа таджикская автономия не могла бы существовать самостоятельно. Таким образом, социально-экономические реалии ТАССР во многом предопределили специфику её развития и усилили зависимость от союзных и республиканских органов власти.

«Включив в свой состав отдаленные горные районы Средней Азии, Таджикская республика невольно обрела репутацию «региона с трудными условиями жизни... Если с направлением в Таджикистан хороших партийных и государственных работников извне существовали огромные проблемы, то с нахождением подходящих кандидатов в самом Таджикистане было куда более затруднительным занятием».¹² Культурная и образовательная политика также стала неотъемлемой частью становления ТАССР. В книге М. Набиевой подчёркивается:

«В 1920-е годы в Таджикской автономии началась масштабная работа по созданию национальной системы образования. Были открыты первые таджикские школы, создавались учебники на родном языке, начали выпускаться газеты и журналы. Всё это должно было не только повысить уровень грамотности, но и сформировать новую социалистическую идентичность таджиков. Однако процесс этот шёл крайне медленно. Местное население часто сопротивлялось введению советских школ, предпочитая традиционное обучение при мечетях и мадрасах. Большевики понимали, что без изменения культурной базы невозможно закрепить советскую власть, и поэтому уделяли особое внимание образовательной политике. В этих условиях формировался первый

¹¹ Масов Р. М. Таджики: история национальной трагедии / Рахим Масов. — Душанбе : Ирфон, 2008.

¹² Масов Р. М. Таджики: история национальной трагедии / Рахим Масов. — Душанбе : Ирфон, 2008.

слой национальной интеллигенции, которая должна была стать проводником советской идеологии в таджикском обществе».¹³

Таким образом, социально-экономические и политические условия становления ТАССР были крайне сложными и противоречивыми. Слабая экономика, нехватка кадров, ограниченное участие таджиков в Совете и культурные барьеры делали задачу большевиков исключительно трудной. Но именно в этот период закладывались основы будущего национального развития, формировалась интеллигенция и институциональные структуры, которые позволили таджикам постепенно утвердиться как самостоятельная нация в составе СССР.

Формирование Таджикской Автономной Советской Социалистической Республики в 1924 году стало одним из ключевых событий в новейшей истории таджикского народа. Этот процесс был не только итогом национально-территориального размежевания Средней Азии, но и результатом сложного взаимодействия политических, социальных и культурных факторов. Большевики стремились создать новую модель государственности, которая одновременно отвечала бы ленинской национальной политике и обеспечивала устойчивость советской власти в регионе.

Таким образом, историко-политический контекст формирования Таджикской АССР был крайне противоречивым. Он сочетал в себе элементы признания национальных интересов таджиков и сохранения жёсткого контроля со стороны Москвы и Ташкента. Слабая экономическая база, нехватка кадров, культурные барьеры и территориальные потери осложняли развитие, но при этом именно в этот период формировались основы будущей таджикской государственности.

Можно утверждать, что создание ТАССР стало первым шагом в процессе национальной консолидации таджиков, обеспечив институциональное закрепление их национальной идентичности. Несмотря на компромиссный характер и многочисленные ограничения, этот опыт сыграл решающую роль в дальнейшем развитии таджикской нации и создании союзной республики в 1929 году.

Проведённый анализ показывает, что процесс национально-территориального размежевания в Средней Азии в 1920-х годах стал не только административным актом советской национальной политики, но и важнейшим фактором формирования современной этнополитической карты региона. Несмотря на официальное провозглашение принципа национального

¹³ Набиева Р. ва диг. Таърихи халқи тоҷик дар асри XX ва ибтидои асри XXI. Душанбе: Ирфон, 2009. С. 72–73

самоопределения, реализация этого лозунга осуществлялась в сложных условиях политических и экономических компромиссов.

Как отмечает О.Д. Тальская, «деятельность Средазбюро ЦК РКП(б) демонстрирует двойственность политики центра: с одной стороны, стремление учитывать этнические особенности региона, а с другой — жёсткое подчинение территориальных решений политическим интересам союзного центра».¹⁴ Эта двойственность стала определяющей чертой всего процесса размежевания.

Многие исследователи указывают, что экономический фактор часто приносился в жертву идеологическим установкам. Так, И. Бочкарёва подчёркивает: «Размежевание проводилось не по экономическим границам, а по этнонациональному принципу, что нередко разрушало единые хозяйственные комплексы, орошаемые системы и торговые пути, сложившиеся веками»¹⁵.

Действительно, экономическая нецелесообразность новых границ отмечалась уже современниками. В материалах Средазбюро фиксировались многочисленные жалобы на разрыв единого хозяйственного пространства и затруднение традиционного водопользования. Разделение водных и торговых артерий — таких как Сырдарья и Ферганская долина — привело к необходимости создания специальных комиссий по совместному использованию ирригационных систем.

Особенно остро последствия размежевания проявились в районах со смешанным этническим населением. По словам М. Б. Хамидова и О. Ю. Курныкина, «в Ферганской долине, Самаркандской и Ходжентской зонах этническая чересполосность делала невозможным проведение «чистых» национальных границ; любое решение порождало споры и взаимные претензии»¹⁶.

Следовательно, размежевание не только закрепило этнополитическую структуру региона, но и заложило основу будущих конфликтных линий, которые сохраняются и в постсоветскую эпоху. Как подчёркивает К. Д. Саипова, «территориальные решения 1920-х годов оказали долговременное воздействие на формирование национального состава республик и межэтнические отношения»¹⁷.

Очевидно, что национально-территориальное размежевание Средней Азии не следует рассматривать как исключительно акт справедливого

¹⁴ Тальская О.Д. Национальное размежевание республик Средней Азии в деятельности Средазбюро. — Власть, 2020, № 5

¹⁵ Бочкарёва И. Национально-территориальное размежевание в Средней Азии в 1924 г.: причины и влияние на этнополитические процессы в регионе. — Известия Алтайского государственного университета, 2019, № 2

¹⁶ Хамидов М. Б., Курныкин О. Ю. Национально-территориальное разграничение в Средней Азии в 1920-е гг.: зарождение пограничных споров. — Известия АлтГУ, 2023, № 2

¹⁷ Саипова К. Д. Национально-государственное размежевание и его воздействие на формирование национального состава Узбекской ССР. — Tadqiqot.uz, 2023, № 3

этнополитического устройства, направленного на реализацию права народов на самоопределение. Это был сложный, многоуровневый и противоречивый исторический процесс, в котором пересекались идеологические установки большевистской национальной политики, административные интересы союзных и республиканских органов власти, а также экономические и геостратегические соображения. Размежевание 1924 года стало результатом не только теоретических принципов, закреплённых в доктринах Ленина и Сталина о федерализме и национальной политике, но и практических нужд по укреплению советского управления в регионах с этнически смешанным населением и слабой административной инфраструктурой.

При всей своей декларируемой справедливости этот процесс сопровождался серьёзными противоречиями. На практике многие решения принимались в условиях недостаточной этнографической изученности территорий и политического давления со стороны отдельных национальных элит, стремившихся укрепить свои позиции в новой системе власти. Разделение исторически сложившихся экономических и культурных связей привело к фрагментации хозяйственных комплексов, нарушению транспортных и водохозяйственных систем, что особенно остро проявилось в горных и пограничных районах.

Тем не менее национально-территориальное размежевание стало поворотным моментом в истории народов Средней Азии. Его позитивным результатом было институциональное оформление национальных государственных образований, создание условий для развития национальных языков, культур и систем образования. Однако наряду с этим проявились и долгосрочные негативные последствия — усиление межэтнических противоречий, территориальные споры и проблемы идентичности, которые в ряде случаев сохраняются и в постсоветскую эпоху. Таким образом, размежевание 1924 года следует рассматривать не как одномоментный акт справедливого этнополитического выбора, а как сложный процесс, оказавший долговременное влияние на политическую и этнокультурную карту региона.